

Б. Беленкин

РЕПРЕССИВНЫЕ ПРАКТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ (25 ОКТЯБРЯ 1917 – 4 ЯНВАРЯ 1918)

Тема репрессивных практик большевистской власти на раннем этапе (25 октября 1917 – 4 января 1918) до последнего времени не привлекала специального внимания историков, занимающихся данным периодом. Создается впечатление, что проблемы как бы и не существует. Был т. н. Красный террор, начавшийся осенью 1918 г. Если же послеоктябрьские репрессии 1917 г. и имели свою историю до Красного террора, т. е. нашли свое отражение в исторической литературе, то она, эта история, представляет из себя отдельные сюжеты/эпизоды, между собой не связанные. Речь здесь в первую очередь идет о таких событиях, как арест членов Временного правительства, арест (и расстрел) юнкеров в Петрограде 29–30 октября, аресты в Москве во время и после окончания боев, присутствуют упоминания арестов саботажников – служащих министерств, банков, учебных, культурных и других государственных учреждений. «Кочующий» сюжет по теме первых арестов – кроме уже упомянутого ареста членов Временного правительства, арест и суд над графиней Паниной, арест членов кадетской партии (партии Народной свободы), в первую очередь речь здесь обычно заходит об убитых в ночь на 7 января 1918 г. А.И. Шингареве и Ф.Ф. Кокошкине... Остальные случаи находятся как бы за пределами интереса исследователей¹. Ну, разве что, в совсем специальных работах, в первую очередь, в комментариях к относящимся к 1917 г. документам небольшевистских партий и дви-

¹ В качестве исключения можно привести: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007; Леонов С.В. Государственная безопасность советской республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1922) // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004.

жений...² Но ничего систематического, ничего, что рассматривало бы явление в целом.

Настоящее сообщение не претендует на раскрытие темы, его следует рассматривать лишь как постановку проблемы и обозначение ее развилки.

Даже самое первое погружение в материал (а это в т. ч. многочисленные газеты тех дней, это дневники и мемуарные тексты участников событий, наконец, и самый важный источник – материалы Следственной комиссии революционного трибунала при Петроградском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1917–1918 – всего около 400 дел, хранящиеся в ГА РФ³) обнаруживает картину массовых политических репрессий. Единственное, что эту картину несколько отличает от последующих арестных волн, – в большинстве случаев относительная кратковременность содержания под арестом, о чем чуть ниже.

С самого начала исследователь сталкивается с такой трудностью, как выявление арестованных. В некоторых биографиях (биографических справках, в т. ч. развернутых; конечно, в том случае, если таковые вообще написаны) арестованных в те дни факт ареста отсутствует. Например, мы не найдем в опубликованных источниках указаний на арест в эти дни и месяцы одного из основателей скаутского движения в России адмирала И.Ф. Бострема⁴, товарища министра финансов в 1917 г. С.А. Шателена⁵, профессоров Петроградского университета В.А. Келтуялы⁶ и М.И. Успенского...⁷, что свидетельствует о

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. В 3 т. М., 2000. Т. 3. Кн. 1; Меньшевики в 1917 году. В 3 т. Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Часть вторая. От Временного демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря). М., 1997; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Октябрь 1917 г. – 1925 г. В 3 т. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1.

⁴ Бострем Иван Федорович (1857–1934) – вице-адмирал; организатор скаутского движения. Арестован в начале ноября 1917 г. Содержался в Петропавловской крепости. Освобожден на поруки не ранее 29 ноября 1917 г. В конце 1919 и в начале 1920 г. в белой армии занимался восстановлением кораблей Черноморского флота. После Гражданской войны – в эмиграции.

⁵ Шателен Сергей Андреевич (1873–1946) – действительный статский советник. Арестован 1 декабря 1917 г. Содержался в Смольном, затем в пересыльной тюрьме. Освобожден не ранее января 1918 г. После 1918 г. – в эмиграции.

⁶ Келтуяла Василий Афанасьевич (1867–1942) – литературовед, исследователь устного народного творчества и древнерусской литературы, педагог. Арестован в ночь на 31 декабря 1917 г. Освобожден в конце января 1918 г. С 1919 г. профессор петроградских (ленинградских) вузов. Умер в блокадном Ленинграде.

⁷ Успенский Михаил Иванович (1866–1942(?)) – историк, педагог, краевед, коллекционер. Арестован в ночь на 31 декабря 1917 г. Содержался в пересыльной тюрьме.

том, что биографы меньшевистских фигурантов той эпохи далеко не всегда работают с вполне доступными источниками⁸. Но чаще мы имеем дело с невозможностью выяснить судьбу, выяснить какие-то биографические сведения об арестованном (при этом о факте ареста мы можем без труда узнать из таких источников, как газетное сообщение или материал следственной комиссии). Необходимо подчеркнуть – газеты тех дней являются одним из главных источников по теме первых арестов. В газетах за конец октября – начало января 1918 г. (в первую очередь петроградских) публиковались имена арестованных, а также сведения (иногда в виде репортажей) о местах заключения и условиях содержания политических заключенных. Публиковались также сообщения об обысках и давлении большевиков на свободную прессу (вплоть до ареста журналистов и закрытия изданий). Небольшевистская пресса после 25 октября в одночасье превратилась в то, что сегодня мы назвали бы правозащитным пространством, информируя население о масштабах нарушения прав личности.

К арестам большевики приступили вечером 25 октября, еще до падения Зимнего. Первым арестантом стал журналист и общественный деятель В.Л. Бурцев⁹, знаменитый историк революционного движения. Через пару часов был арестован генерал-майор Я.Г. Багратуни¹⁰. До того днем был арестован член Временного правительства министр продовольствия С. Прокопович¹¹, но вскоре отпущен.

Освобожден в конце января 1918 г. После 1917 г. занимался вопросами краеведения. Арестован в 1931 г. за связь с епископами, не принявшими советскую власть, приговорен к 3 годам ссылки. Точная дата и место смерти Успенского неизвестны: по одним данным, умер от голода в блокадном Ленинграде, по другим – умер в ссылке в Алма-Ате.

⁸ Например, факт ареста и нахождения в заключении М.И. Успенского можно узнать не только из материалов ГА РФ, но и из такого доступного опубликованного источника, как «Дневники» М. Пришвина, кстати, также арестованного в те дни (2 января 1918).

⁹ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – публицист и издатель. Прославился разоблачением провокаторов в русском революционном движении. Арестован вечером 25 октября 1917 г. Сидел в Крестах и Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Объявлял голодовку. Освобожден 18 февраля 1918 г. по распоряжению наркома юстиции левого эсера И.З. Штейнберга. Эмигрировал.

¹⁰ Багратуни Яков Герасимович (1879–1943) – генерал-майор русской армии, генерал армии Армении. Арестован на Дворцовой площади вечером 25 октября 1917 г. Находился в заключении в Петропавловской крепости. Освобожден 15 декабря 1917 г. После освобождения продолжил работу по формированию армейского корпуса и отправке военнослужащих-армян на Кавказ. В 1920 г. назначен послом Республики Армения в Англии, где и остался жить в эмиграции.

¹¹ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист, политический деятель. Министр торговли и промышленности, затем министр продовольствия Вре-

В 2 часа 10 минут ночи 26 октября наступил черед членов Временного правительства.

Начиная с 26 октября практически ежедневно арестовывались лидеры меньшевиков, кадетов и эсеров, профессора Петроградского университета и так называемые саботажники – чиновники госучреждений, деятели культуры, финансисты, члены Комитета по выборам в Учредительное собрание, наконец, просто те, кто своим внешним видом вызывал у представителей новой власти классовую и политическую ненависть. Арестовывали князей и рабочих, священников и атеистов, генералов и гимназистов, мужчин и женщин¹², евреев и черносотенцев...

Законодательная база репрессий ограничивалась декретами, постановлениями, предписаниями, издаваемыми чаще всего от имени исполнительного органа – Совнаркома (без оглядки на власть законодательную), реже – свою «законодательную лепту» вносил ВЦИК¹³. Кроме того, свои постановления издавал всесильный в первые полтора месяца существования советской власти Военно-революционный комитет (ВРК). В основном же репрессии ничем не регламентировались и демонстрировали вседозволенность властей.

Формальным поводом для задержания и ареста могло стать все что угодно: членство в небольшевистской партии (тем более в партии кадетов, объявленной в ночь на 29 ноября партией «врагов народа»)¹⁴; распространение листовок (не обязательно антибольшевистских, а например, агитирующих за созыв Учредительного собрания)¹⁵; сабо-

менного правительства. Арестован 25 октября 1917 г. до штурма Зимнего, доставлен в Смольный институт, в тот же день освобожден. Через месяц вновь арестован за антибольшевистскую деятельность и отправлен под надзор в Кронштадт. В декабре 1917 г. освобожден. При советской власти занимался педагогической деятельностью. Один из организаторов «Всероссийского комитета помощи голодающим» (Помгола) (1921). Арестован по обвинению в шпионаже и в 1922 г. выслан из России.

¹² Кроме самой известной женщины, арестованной в те дни, графини С.В. Паниной, назовем учительницу коломенского женского училища Мержецкую Дарью Павловну, арестованную на улице красногвардейцами 23 ноября и привлеченную за непризнание советской власти (ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 231), и арестованную 2 (3) декабря по обвинению в контрреволюционной агитации секретаря Союза защиты Учредительного собрания Островскую Марию Александровну (Исаевну) (она же Островская Мерка Зисмановна) (ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 255.). К сожалению, их дальнейшая судьба остается невыясненной.

¹³ Декреты советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. Т. 1.

¹⁴ См.: «Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции» и правительственное сообщение «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым» (Декреты советской власти Т. 1. С. 161–166).

¹⁵ Например, 27 октября на улице были арестованы девять гимназистов, раздававших прохожим воззвание городской думы к населению гор. Петрограда, и увезены в Петропавловскую крепость (Воля народа. 31.10.1917); 28 ноября были арестованы

таж (т. е. участие в забастовках)¹⁶; разговоры на улице, в которых высказывалось недовольство захватом власти большевиками...¹⁷

Если сравнивать репрессивные практики большевиков конца 1917 г. с практиками предыдущих режимов – царского самодержавия и Временного правительства (март–октябрь 1917), обнаружится интересная особенность, определившая весь последующий тоталитарный характер Советского государства. Во-первых, речь идет о «всеохватности» этих практик после 25 октября: в прејскурант провинностей, за которые арестовывали большевики, кроме продолжения «революционных» репрессий эпохи Временного правительства – аресты «царских сатрапов» и контрреволюционеров (типа Пуришкевича) (репрессии же эти, к слову сказать, были не столь значительны, как до, так и после Октября), добавились еще и возвращенные «царские», связанные так или иначе с попытками реализации политических свобод (напомним, завоеванных в дни Февраля). Во-вторых, добавилось нечто совершенно новое, а на раннем этапе может быть и главное – репрессия за отказ признания новой власти. Что объясняется скорее всего тем, что признание/непризнание стало единственным фактором, свидетельствующим о легитимности/нелегитимности новой власти. При этом непризнание равнялось неповиновению (что, безусловно, вступало в противоречие с политическими ожиданиями широких слоев населения в условиях подготовки к созыву Учредительного собрания). Непризнание стало основной причиной, основным поводом для репрессии. Такая «всеохватность» не могла не породить растерянность и страх среди самых широких слоев населения, которое оказалось к концу 1917 г. в совершенно новой реальности. Приспособиться к ней рядовому обывателю было достаточно сложно. Что же тогда говорить о политически активной части населения, поддерживавшей небольшие партии?!

Какая-либо статистика арестов за этот период отсутствует. С уверенностью можно говорить о многих сотнях арестованных по политическим мотивам в Петрограде и Москве. Это не считая юнкеров,

лица, распространявшие воззвание «Вся власть Учредительному собранию», мужчины были препровождены в Смольный, а женщины в женскую тюрьму. Арестованным предъявили следующее обвинение: «Вы подвергнуты тюремному заключению за распространение литературы, призывающей к ниспровержению существующего строя». (Неумолчное слово. 30.11.1917; Щит. 30.11.1917; Воля свободная. 30.11.1917); 8 декабря некто А.А. Громов, «убежденный монархист», как пишет газета, был арестован за распространение прокламаций (Наш век. 09.12.1917).

¹⁶ Декреты советской власти. Т. 1. С. 57, 71, 540.

¹⁷ См. материалы дел тех же Д.П. Мержецкой и М.А. Островской (см. сноску 12).

участников восстания в столице (29–30 октября 1917)¹⁸ и участников боев в Москве. В небольшевистских газетах, выходивших в Петрограде в указанный период, мы находим информацию о почти трех сотнях арестованных и еще о стольких же безымянных арестованных. По газетам, документам следственных дел, по воспоминаниям и иным материалам личного происхождения (дневники, письма), из материалов справочных аппаратов научных публикаций, наконец, из материалов, выложенных в Интернете, нами выявлено около 500 имен (речь, повторяю, идет о Петрограде). Аресты проводились практически ежедневно, но с разной степенью массовости. Можно сделать вывод о не менее десяти масштабных арестных кампаниях, в рамках которых в день арестовывалось до нескольких десятков человек. В ночь на 26 октября членов Временного правительства и других лиц, находившихся в Зимнем дворце при его захвате, – не менее 20 человек¹⁹; 18 ноября было арестовано не менее 15 человек (в т. ч. гласные петроградской городской думы, журналисты и служащие)²⁰; 23 ноября не менее 15 членов комиссии по выборам в Учредительное собрание, 16 членов военно-морской совещательной комиссии и других армейских чинов²¹, 6 банковских служащих²²; 27 ноября – не менее 13 служащих Министерства продовольствия²³; 28 ноября арестованы лидеры партии Народной свободы (кадеты), члены Учредительного собрания (не менее 10 человек²⁴); 29–30 ноября арестованы члены стачечного комитета Союза союзов служащих государственных учреждений, банковских и железнодорожных служащих, членов Совета Союзов казачьих войск – всего не менее 48 человек²⁵; 16 декабря 1917 г. 15 членов Союза защиты Учредительного собрания²⁶; 2–3 января 1918 г. сотрудники газет, журналисты (не менее 15 человек²⁷).

¹⁸ Далеко не полные списки юнкеров, арестованных в Петрограде 29–30 октября 1917, были опубликованы в петроградских газетах: «Новая жизнь», 05.11.1917 и «Единство», 31.10.1917. Всего в этих списках сведения о 84 человек. Сообщение о повторном аресте 50 юнкеров 4–5 ноября приведены в: Народное слово. 08.11.1917.

¹⁹ Сведения об арестах в Зимнем дворце публиковались (с разной степени подробностями) во всех выходивших тогда газетах Петрограда.

²⁰ Новая жизнь. 19.11.1917; Новый день. 19.11.1917.

²¹ Полночь. 24.11.1917.

²² День. 01.12.1917.

²³ Воля народная. 28.11.1917.

²⁴ Неумолчное слово. 30.11.1917.

²⁵ Там же; Воля свободная. 30.11.1917.

²⁶ День. 19.12.1917; Современное слово. 20.12.1917. Среди арестованных были лидеры и активные члены РСДРП Б.О. Богданов, С. Вайнштейн, К. Ермолаев, С. Топер, Д. Хазан, В.О. Цедербаум (В. Левицкий), один из лидеров народных социалистов Л.М. Брамсон и др.

²⁷ День. 03.01.1918; Наш век. 04.01.1918.

С 25 октября 1917 г. до начала 1918 г. репрессивные практики осуществляли самые разные институты. Аресты могли инициировать и проводить: ВРК и его следственная комиссия, следственная комиссия при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, Следственная комиссия Военного отдела исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов²⁸, Совнарком (в т. ч. в лице руководителей отдельных комиссариатов), местные (районные) Советы, наконец, ВЧК. Конечно, инициировать и осуществлять аресты мог непосредственно красногвардейский патруль, т. н. человек с ружьем. Осуществляли следствие, кроме уже упомянутых следственных комиссий и ВЧК, начиная со второй половины декабря еще и следственные комиссии Революционных трибуналов. Те же институты и их представители могли выступать с инициативами об освобождении заключенного (в т. ч. освобождении на поруки), переводе его в больницу. После 7 декабря производство арестов и следствие по делам арестованных постепенно сосредоточились в руках нового органа – Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК)²⁹. О том, с какой калейдоскопической скоростью одна институция сменяла другую (или преобразовывалась в другую), можно судить по материалам Следственной комиссии революционного трибунала. Например, в деле Ф.Ф. Кокошкина пропуск от 2 декабря, выписанный М.Ф. Кокошкиной на вход в Петропавловскую крепость для свидания с мужем, выдан следственной комиссией ВРК (при ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов)³⁰, разрешение на свидание с мужем от 2 января 1918 г. М.Ф. Кокошкиной выдано Следственной комиссией при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов³¹, а письмо в Следственную комиссию, но уже при революционном трибунале с просьбой о немедленном переводе Ф.Ф. Кокошкина в больницу от 6 января 1918 г. подписано народным комиссаром юстиции И.З. Штейнбергом³². Аналогичный

²⁸ О функционировании похожих или явно дублирующих друг друга институтов свидетельствует, например, служебная записка секретаря следственной комиссии Военного отдела Исполкома Совета в следственную комиссию ВРК с информацией о том, что «арестованный Батов принят Следственной комиссией 16 ноября 1917 г. в Смольный институт» (ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.).

²⁹ Подробнее о репрессивных функциях ВРК и переходе их к ВЧК см.: Леонов С.В. Указ. соч. С. 333–424; О репрессивной деятельности ВРК см. также: Рабинович А. Указ. соч. С. 81–159.

³⁰ ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 3.

³² ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 186. Л. 6.

пример – в деле генерала В.Л. Барановского³³. 16 ноября ВРК Совета солдатских и рабочих депутатов г. Пскова направляет записку коменданту Петропавловской крепости о препровождении генерала Барановского, «арестованного как противника революции»³⁴. 4 января 1918 г. следственная комиссия при Петроградском совете направляет коменданту Петропавловской крепости предписание о немедленном освобождении Барановского³⁵. А 24 января 1918 г. заведующий Трубецким бастионом Куделько направляет уведомление в «Следственную комиссию» (скорее всего, имеется в виду Следственная комиссия Революционного трибунала) о том, что Барановский освобожден из-под стражи по предписанию следственной комиссии при Петроградском совете от 4 января...³⁶ Здесь надо отметить и роль самодеятельности т. н. революционных масс, и беспорядочность репрессивных акций, и непрофессионализм тех, кто осуществлял репрессии в первые месяцы советской власти³⁷. Сами участники событий нередко путались в названиях репрессивных институтов, не отличая их друг от друга. Встречаются документы, в которых фигурируют, например, такие неведомые органы, как Следственная комиссия Совнаркома³⁸. Обращения в Следственную комиссию ВРК продолжают поступать спустя две недели после роспуска ВРК (5 декабря 1917)³⁹ и создания приступившего уже к осуществлению репрессивных функций ВЧК...

³³ Барановский Владимир Львович (1882–1931) – генерал-майор (30 августа 1917). С 11 сентября 1917 г. – генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта. Арестован 16 ноября 1917 г. Находился в заключении в Петропавловской крепости до 4 января 1918 г., когда был освобожден под честное слово. С сентября 1918 г. в РККА; с 1919 г. – начальник штаба войск Московского оборонительного сектора. Затем помощник начальника Всероссийского главного штаба, начальник Организационного управления штаба РККА. Главный военрук московских вузов. Арестован по делу «Весны» (1931). Осужден к высшей мере наказания с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в Сиблаге.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 17.

³⁶ Там же. Д. 64. Л. 4.

³⁷ Примером такой самодеятельности и непрофессионализма может служить арест Н.Н. Кутлера. Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – государственный, общественный и политический деятель, экономист. Член ЦК Конституционно-демократической партии. Арестован 29 ноября 1917 г. При задержании произошло столкновение между пришедшими арестовывать его солдатами, закончившееся стрельбой. Был ранен в ногу и попал под конвоем в госпиталь. Освобожден 26 января 1918 г. Арестовывался большевиками еще 4 раза, около года провел в советской тюрьме. Занимал должность заведующего сметным отделом Народного банка РСФСР. Входил во Всероссийский комитет помощи голодающим (1921), входил в состав правления Госбанка РСФСР. Один из организаторов денежной реформы в 1922–1924 гг.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 314. Л. 7.

³⁹ Там же. Л. 2.

Обратим особое внимание на отсутствие нормативно-правовой базы в деятельности упомянутых здесь органов.

Приведу в качестве примера того, что могло стать причиной ареста, — письмо, а точнее донос, наркома просвещения Луначарского. Письмо на бланке наркомата просвещения от 29 декабря 1917 г. (исходящий № 1690) адресовано «председателю комиссии по борьбе с контрреволюцией»:

«Уважаемый товарищ Держынский [так в подлиннике. — Авт.]!

Как выяснилось управляющий Мариинским театром А. Зилотти ведет против нас все время самую злостную [допечатано сверху строки. — Авт.] агитацию, результатом которой явилось неподчинение до сих пор Рабочей и Крестьянской власти Государственных театров. Вчера мне стало известно, что А. Зилотти⁴⁰ передал ключи от правительственных лож представителям правых фракций Учредительного Собрания и что по соглашению с ними имеет намерение сделать 5-го января Мариинский театр ареной демонстрации против советской власти.

Помощнику моему тов. Ю.Н. Флаксерману⁴¹ я поручаю требовать от А. Зилотти ключи от правительственных лож и подписки о недопущении каких бы то ни было спектаклей под политическими лозунгами без моего специального разрешения. В случае отказа выполнить это мое распоряжение А. Зилотти подлежит немедленному аресту, на что я уполномочен Советом Комиссаров.

Ввиду всего вышеизложенного покорнейше прошу дать тов. Флаксерману для выполнения им означенного поручения наряд красногвардейцев человек в 20 под командой сметливого и расторопного человека.

С товарищеским приветом

НАРОДНЫЙ КОМИССАР А.В. Луначарский
СЕКРЕТАРЬ [подпись неразборчива] печать»⁴²

⁴⁰ Александр Ильич Зилоти (1863–1945) — выдающийся пианист и дирижер, общественный деятель. Арестован 30 декабря 1917 г. После непродолжительного заключения в «Крестах» находился, также непродолжительное время, под домашним арестом. Доктор Манухин, добившийся его освобождения, так описывает встречу с Зилоти в тюрьме: «Со свойственной ему непринужденной веселостью встретил он весть о свободе и, прежде чем я успел опомниться, со смехом указал на надпись на грязной стене. Там значилось: “Здесь сидел вор Яшка Куликов”. А вот я сейчас и продолжу, сказал А.И. и четко выписал карандашом “и ученик Листа Александр Зилоти”» (Жизнь и призвание доктора И.И. Манухина. М. 2015. С. 146). С 1919 г. — в эмиграции.

⁴¹ Флаксерман Юрий Николаевич (1895–1995) — инженер-энергетик. Член РСДРП(б) с 1917 г.; в 1918 г. — заместитель наркома просвещения по ведомству дворцов, после Гражданской войны занимал научно-административные посты. В 1937 г. репрессирован. Автор воспоминаний о ГУЛАГе.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 160. Л. 4.

В этом документе все — и случай репрессии, инициированной «сверху», т. е. членом Совнаркома, и пример того, что могло вызвать арест в те дни, и отношение новой власти к интеллигенции, и представления инициатора репрессии о технологии осуществления репрессии, наконец, перед нами первые шаги нового репрессивного органа — ВЧК.

Сроки содержания под стражей в первые месяцы советской власти были произвольными, ничем, кроме сиюминутных интересов и «революционного чутья», не регламентировались и варьировались от нескольких дней до полугода. Только незначительное число дел (в том числе дело графини С.В. Паниной⁴³, генерала В.Г. Болдырева⁴⁴, народного социалиста Л.М. Брамсона⁴⁵, монархиста и чернососо-

⁴³ Панина Софья Владимировна (1871–1956) — благотворитель и просветитель, активная участница либерального и женского движений. Арестована 28 ноября 1917 г. по обвинению в саботаже и за «растрату народных средств» (отказалась передать большевикам денежные средства Министерства народного просвещения). В заключении находилась в Выборгской женской тюрьме. 10 декабря суд Революционного трибунала вынес Паниной общественное порицание, обязав внести денежные средства в кассу Наркомпроса. Для сбора средств на выкуп Паниной объявил подписку союз учителей, часть суммы предоставили Высшие женские курсы. Освобождена 19 декабря. В начале 1918 г. выехала на Юг России, активно помогала Белому движению. С 1920 г. — в эмиграции.

⁴⁴ Болдырев Василий Георгиевич (1875–1933) — военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. В сентябре 1917 г. — командующий 5-й армией. 17 ноября 1917 г. в Двинске арестован за непризнание советской власти (отказался явиться к большевистскому Верховному главнокомандующему Крыленко). Находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и в «Крестах». Осужден ревтрибуналом к трем годам тюремного заключения. Освобожден 2 марта 1918 г. «по медицинскому освидетельствованию». Верховный главнокомандующий войск Директории. После захвата Владивостока Красной армией (1922) арестован. Заявил о готовности служить советской власти. Занимался преподавательской, научной и научно-публицистической деятельностью. Арестован в 1933 г. по обвинению в организации «белогвардейского заговора» («Дело генерала Болдырева»). Расстрелян.

⁴⁵ Брамсон Леонтий Моисеевич (1869–1941) — журналист, публицист, политический и общественный деятель, адвокат. Один из организаторов и идеологов Трудовой группы в I Государственной думе. В июне 1917 г. вошел в состав ЦК Трудовой народно-социалистической партии. Товарищ председателя Всероссийской комиссии по созыву Учредительного собрания. Арестован ВЧК 16 декабря 1917 г. на заседании Петроградского комитета Союза защиты Учредительного собрания, помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, 18 декабря посажен в одиночную камеру. Содержался в крепости до 20 января 1918 г. Обвинен Петроградским военно-революционным трибуналом в участии в «контрреволюционной» газете «Революционный набат» и в «присвоении народных денег» в период руководства финансовым отделом Совета рабочих и солдатских депутатов. На суде обвинил большевиков в насильственном захвате власти и в попытках сорвать Учредительное собрание. Трибунал признал факт присвоения денег недоказанным, но за участие в издании газеты приговорил его «к общественному порицанию и презрению». Затем освобожден. С 1920 г. — в эми-

тенца В.М. Пуришкевича⁴⁶) было тогда же, в ноябре 1917 – январе 1918 г., доведено до суда. По остальным делам (но далеко не всем!) решения принимались уже после освобождения (весной – летом 1918) и, как правило, бывших заключенных освобождали от наказания.

Относительная мягкость приговоров и кратковременность содержания под стражей были обусловлены не отказом от тотального революционного насилия, а привходящими политическими и иными обстоятельствами. Например, Учредительное собрание, в ожидании которого Россия жила весь 1917 год и разгон которого до конца ноября еще не был предрешен, стал своего рода амбивалентным фактором, с одной стороны, инициировавший отдельные репрессивные кампании, с другой, мешавший осуществлению массовых репрессий. Точно так же переговоры о перемирии, а затем и о сепаратном мире с Германией и страх перед возможным провалом переговоров и победоносном наступлении немцев – все это объясняло как причины ареста некоторых отдельных представителей генералитета, так и то, что в целом к тому же генералитету была проявлена относительная лояльность. Экономический и финансовый коллапс ускорил «экономические репрессии» (реквизиции, национализацию промышленных предприятий и банков), но не долгосрочные и массовые репрессии. Осуществление полномасштабных репрессивных практик сдерживала такое обстоятельство, как отток (бегство) населения из столицы и, что еще важнее, перманентная необходимость разгрузки мест заключения (все петроградские тюрьмы были переполнены еще с лета 1917 г.; основной контингент содержащихся в них, кроме Петропавловской крепости, состоял из арестованных за уголовные преступления). Фактор, сыгравший, с нашей точки зрения, ключевую роль в освобождении в марте – апреле 1918 г. почти всех арестованных по политическим мотивам после октябрьского переворота, – отсутствие в этот период сколько-нибудь заметного антибольшевистского сопротивления. Безусловно, свое значение имели и политические обстоя-

тельства. В 1924–1938 гг. член Совета «Джойнта», член Союза еврейских культурных обществ во Франции.

⁴⁶ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель, монархист. Один из лидеров «Союза русского народа». После октябрьского переворота ушел в подполье. Скрывался в Петрограде с поддельным паспортом на фамилию Евреинов. Арестован в ночь на 5 ноября 1917 г. в гостинице «Россия» по обвинению в контрреволюционном заговоре. На публичном политическом процессе приговорен к 4 годам принудительных общественных работ с заключением в тюрьму на один год. В Петропавловской крепости, где он содержался, топил печи в камерах заключенных. Освобожден 17 апреля 1918 г., а 1 мая амнистирован по декрету Петроградского Совета. В 1918 г. уехал на Юг России, поддерживал Белое движение. Умер в 1920 г. в Новороссийске от сыпного тифа.

тельства, связанные с взаимоотношениями большевиков с их тогдашними союзниками – левыми эсерами. Последние демонстрировали (конечно, не всегда) меньшую кровожадность, что порой затрудняло реализацию репрессивных намерений Ленина и К⁴⁷.

В Петрограде, главном «репрессивном центре» страны тех дней, в качестве мест заключения большевиками использовались Трубецкой бастион Петропавловской крепости, тюрьма «Кресты», пересыльная тюрьма, Выборгская одиночная женская тюрьма, военная тюрьма, морская следственная тюрьма, помещения казарм, Петроградская ЧК на ул. Гороховой, арестантские помещения при бывших полицейских участках, а также совершенно не приспособленный к этой роли Смольный⁴⁸.

Мы уже указали на такой фактор, как переполненность мест заключения. О сложившейся ситуации говорит служебная записка заведующего Трубецким бастионом Петропавловской крепости Куделько в президиум следственной комиссии. Петроград, 29 ноября 1917 г.:

«Довожу до Вашего сведения, что Трубецкой бастион переполнен. Только одна свободная камера. Между тем находятся здесь много неважных заключенных. Вследствие чего, я прошу Вашего распоряжения о переводе таковых в «КРЕСТЫ». По моему предположению можно перевести человек 20 тогда можно будет принять в Петропавловку важных заключенных. Посему прошу Вашего немедленного распоряжения о переводе в «КРЕСТЫ» неважных заключенных.

Праторицик [Куделько]»⁴⁹

Достаточно объективную картину условий содержания в Петропавловской крепости рисует П.Д. Долгорукий⁵⁰, арестованный 28 но-

⁴⁷ Об этом подробнее см.: Рабинович А. Указ. соч. С. 124–158.

⁴⁸ Разгрузка Смольного от арестованных // День. 17.12.1917.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.

⁵⁰ Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927) – политический деятель, один из лидеров Конституционно-демократической партии. Князь. В 1907 г. избран членом II Государственной думы, стал председателем кадетской фракции. Пропагандировал идеи пацифизма в России. Руководитель Толстовского общества. В 1917 г. председатель кадетского ЦК в Москве. Избран депутатом Учредительного собрания. Арестован 28 ноября 1917 г. Заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден 19 февраля 1918 г. После освобождения находился на нелегальном положении. Осенью 1918 г. переехал на Юг России, агитировал за поддержку белой армии. С 1920 г. – в эмиграции. Желая показать молодому поколению эмигрантов пример подвига и жертвенности, дважды переходил советскую границу. Во второй раз пробыл в СССР около 40 дней. Арестован на пути из Харькова в Москву, помещен в Харьковскую тюрьму ОГПУ, где просидел 11 месяцев в ожидании суда и приговора. Расстрелян по поста-

ября 1917 г. на квартире графини С.В. Паниной вместе с другими кадетскими лидерами:

«Камеры были большие, хорошие. Привинченные к стене кровать и столик рядом, над которым за матовым стеклом в стене электрическая лампа (только вечером). Более мебели никакой, так что сидеть приходилось на кровати. Вещи клались на газетной бумаге на полу. Дверь с глазком и небольшое высокое окно с решеткой. Огромное удобство – отсутствие параша и проведенная вода. Раковина с краном и судно с откидывающимся сиденьем, так что чистоту и воздух можно было отлично поддерживать. Пол мели мы ежедневно сами. Так как я здоров и не боюсь холода, то всего хуже было отсутствие света в зимние петроградские месяцы. Лампочка была тусклая и рано гасла. Потом двоюродная сестра принесла лампу и керосин, и я читал до поздней ночи. Надписи на стенах были неинтересные, современные. ...Только прозулки, и то, если желаешь, в определенное время. В остальном – газеты, свидания, провизия – ослабленный, сравнительно с царским, революционный тюремный режим. Встаешь и ложишься когда хочешь, особенно со своей лампой. Надзиратели продают газеты всех направлений из тюремной библиотеки и со стороны... Посещения – два раза в неделю. Нас вызывают по несколько человек в комендантскую, и мы сидим и свободно общаемся с посетителями, получаем и передаем через них письма. ...Благодаря обильному снабжению приношениями мы ели вполне удовлетворительно»⁵¹.

Что касается использования в качестве тюрьмы Смольного института и условий содержания в нем арестованных, приведем свидетельство В.Д. Набокова⁵², арестованного 23 ноября (воспоминания написаны «по свежим следам» вскоре после описываемых событий):

новлению ОГПУ в числе 20 заложников в ответ на убийство советского полпреда в Польше П.Л. Войкова.

⁵¹ Долгоруков П.Д. Великая разлука. Мадрид, 1964. С. 64–66. Иное впечатление об условиях содержания в крепости сложилось у А.И. Шингарева: «3 января [1918]. Холодно в моей камере. Так холодно, что трудно писать. Стынут руки, пар сгущается от дыхания, с окна текут сырые потоки по стене, и даже на полу от них образуется лужица. Эти последние ночи никак не мог согреться под двумя одеялами и сверху накинутым пальто. Если долго сидишь, то застывают и руки, и ноги, приходится бросать книгу и усиленно маршировать из угла в угол. Утром вставать – это целое испытание. Нескоро потом согреешься. Не то топить стали хуже, не то зима все больше и больше дает себя знать». См.: Как это было. Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость, 27.XI.17–5.I.18. М., 1918. С. 58.

⁵² Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, политический деятель, публицист, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии. Арестован 23 ноября 1917 г. По 27 ноября содержался в Смольном. После освобождения уехал к семье в Крым. С ноября 1918 г. занимал пост министра юстиции

«Заключение наше в Смольном продолжалось пять дней. Все эти пять дней мы провели в узкой, низенькой, тесной комнатке, в которую приходилось подниматься по лесенке, ведущей из нижнего коридора. Нас было человек 12–15: точно не помню. ...В первый день нам было очень неважно. В комнате были деревянные лавки, стулья, две скверных постели, на которых спали наши два старших сочлена – члены Госуд. Думы, больше ничего. Я спал на узенькой деревянной лавке, Вишняк – на столе. Ни белья, ни тюфяков нам не дали. О пище или хотя бы о чае тоже в первый день не было и речи... Допрашивали нас в первый уже вечер, допрос производился неким Красиковым⁵³ – присяжным поверенным последнего разбора, и неизменно заключал в себе вопрос, на который мы неизменно отвечали отрицательно: “Признаете ли вы власть Советов народных комиссаров?”»⁵⁴.

Судьба первых узников после освобождения сложилась трагически. Одни были вынуждены эмигрировать, другие остались на родине и вновь подверглись репрессиям⁵⁵.

Отдельная тема – самосуды, творимые «революционными массами». Бессудные расправы после Октября стали носить эпидеми-

Крымского краевого правительства. С 1920 г. в Берлине. Погиб во время покушения на П.Н. Миллюкова.

⁵³ Красилов Петр Ананьевич (1870–1939) – советский государственный и политический деятель; большевик; помощник присяжного поверенного. В дни Февральской революции 1917 г. принимал участие в организации Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. После революции занимает должность председателя военносудебной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Военно-революционном комитете Петроградского Совета. С 1918 г. заместитель наркома юстиции. Один из организаторов атеистического воспитания в СССР. С 1924 г. прокурор Верховного суда. С 1933 г. заместитель председателя Верховного суда СССР.

⁵⁴ Набоков В.Д. Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988. С. 171–172. Ср. с газетной заметкой «Разгрузка Смольного от арестованных» (День. 17.12.1917.): «Новый комиссар юстиции [левый эсер И.З. Штейнберг. – *Авт.*] распорядился, чтобы задержанные лица не доставлялись в здания Смольного института и революционного трибунала. Задержанные впредь должны препровождаться в одну из следующих тюрем: пересыльную, “Кресты”, дои предварительного заключения, военно-морскую, женскую тюрьму и в тюрьму при комендантском управлении. Туда же должны быть переведены все содержащиеся ныне под арестом в зданиях Смольного института и революционного трибунала. При указанных тюрьмах учреждаются временные следственные комиссии, которые в течение 48 часов должны проверить правильность ареста, а также законность содержания арестованных до сих пор лиц. Следственная комиссия состоит из трех лиц, по соглашению Петроградского совета с районными Советами р. и с. д.» (День. 17.12.1917).

⁵⁵ Среди последних, кроме упомянутых в настоящей публикации: члены Временного правительства К.А. Гвоздев, Н.М. Кишкин, П.Н. Маянгович, С.Л. Маслов, А.М. Никитин, инженер П.А.(И.) Пальчинский, социал-демократы Б.О. Богданов, С.Л. Вайнштейн (Звездин), В.О. Цедербаум (Левицкий), кадет В.А. Жардецкий (первый раз арестован в ноябре 1917 в Омске), эсер П.А. Сорокин...

ческий характер. Самый громкий самосуд первых недель советской власти – убийство 20 ноября в Могилеве бывшего Верховного главнокомандующего русской армией генерала Н.Н. Духонина (выражение «в штаб к Духонину!» стало синонимом приказа «расстрелять»). В декабре был убит депутат Государственной думы подбесаул М.А. Караулов... Массовыми расстрелами сопровождалось подавление антибольшевистского восстания юнкеров в Петрограде (29–30 октября в Петропавловской крепости). Убивали не только военных, но и гражданских лиц: 31 октября в Царском Селе был расстрелян красногвардейцами священник о. Иоанн Кочуров⁵⁶. Жертвами бессудной расправы стали лидеры кадетской партии А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин, зверски убитые своими охранниками – матросами и красногвардейцами в Мариинской тюремной больнице в ночь на 7 января 1918 г.⁵⁷

С первого дня прихода большевиков к власти репрессивная политика стала одним из существенных примет советского государства. Все, что затем последует: Красный террор эпохи Гражданской войны, бессудные расправы, раскулачивание, Большой террор 1930-х, семидесятилетний цензурный гнет и борьба с инакомыслием, – все это было заложено в первые же дни и недели после 25 октября, когда в стране перестало действовать Право. Наиболее дееспособные и политически активные группы населения оказались вычеркнуты из правового поля, создаваемого новой властью. Что мы и видим на примере первых арестантов.

Разговоры о «вегетарианстве» большевиков в эти дни – миф. Аресты подозреваемых в противодействии или непризнании новой вла-

⁵⁶ Кочуров Иван (Иоанн) Александрович (1871–1917) – священнослужитель Православной российской церкви, протоиерей. Поступил на службу в Алеутскую и Аляскинскую епархию (1895). Назначен настоятелем Владимирского храма в Чикаго (США), благочинным приходов восточных штатов США. В 1907–1916 гг. – священник в Нарве и Силламяэ. С ноября 1916 г. – священник Екатерининского собора в Царском Селе. 31 октября 1917 г. арестован красногвардейцами. Отведен на царско-сельский аэродром и там убит. 4 декабря 1994 г. канонизирован как священномученик Архиерейским собором Русской православной церкви. Почитается как первый по времени новомученик российский. Вполне вероятно, что расстрел Кочурова был спровоцирован «Приказом № 1» от 29 октября 1917 г., изданным большевистским назначенцем, командующим обороной Петрограда подполковником М.А. Муравьевым.

⁵⁷ Оба были арестованы в день предполагавшегося открытия Учредительного собрания 28 ноября 1917 г. как одни из лидеров «партии врагов народа» и заключены в Трубечной бастион Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. по состоянию здоровья были переведены в больницу. Убиты караулом – матросами и красногвардейцами. Убийцы наказания не понесли. Эта трагическая гибель получила широкий общественный резонанс. В похоронах на кладбище Александро-Невской лавры участвовало несколько тысяч человек.

сти стали знаковой приметой послеоктябрьской эпохи. (Репрессии указанного периода также отчасти объясняют индифферентность населения столицы (полагаем, не только ее) к разгону Учредительного собрания.) С 25 октября 1917 г. репрессии становятся и способом удержания власти, и способом управления, способом принуждения, в т. ч. к признанию новой власти. Массовые репрессии, направленные как против оппонентов «действующих», так и против оппонентов/противников гипотетических, это та основа, благодаря которой большевики пришли к власти, утвердились во власти и сохраняли эту власть на протяжении 70 лет.

РЕВОЛЮЦИОННОГО НАС
КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ КАК
ОПТИМИЗОВАННАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918–1922 гг.
Историко-социологический анализ карательной политики
ветского государства дает материал для вывода в отношении
тупых и в наши дни, полагает вскрыть сложность и противоречивость
процессов протекавших в российском обществе в годы
I российской войны. Россия встала на пороге своей
история является в теоретическом осмыслении прошлого. Советское
общество встало перед острой задачей в воссозда-
нии исторической памяти, экстраполяции от социальных мифов в
фактически
В этом процессе важная роль отводится исторической социоло-
гии, которая связана с обращением к социальным мифам, про-
шлого к соответствующим социальным мифам, и в то время
сохранения исторической памяти, исторической памяти
Историческая социология рассматривает историческое явление
стать между исторической действительностью и социальными мифами
не как простую проблему, а как исторический процесс, который
история. В этом смысле вся социология может называться историче-
ской, поскольку она неизбежно обращается к историческим процессам
и развитию.
На первом этапе формирования Советского государства суще-
ствовало в России историческое государство, которое было тесно об-
разом связан с историческим развитием, в то время как историче-
т. с. политическая власть. История может рассматриваться как способ
моу применению исторической памяти, так как историческая память